

зодов, написание резюме по материалам прослушанного не только развивают у студентов общекультурную компетенцию, но и помогают им сформировать собственный инвентарь языковых и речевых средств, способствующих эффективной реализации диалогического общения на профессиональные темы на иностранном языке.

Список литературы

1. Алиева Т.В. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» в политическом дискурсе прессы США (на материале публикаций, посвященных электоральной кампании) // Филологические науки в МГИМО. 2008. Вып. 34 (49). М.: МГИМО (У) МИД России. С. 18 – 26.
2. Тымбай А.А. Диалог в различных видах политического дискурса // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 апр. 2015 г.). Т. 1 / отв. ред. Д. А. Крячков ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 230–234.
3. Цветкова Н.И. Использование коммуникативных стратегий при обучении говорению на иностранном языке студентов неязыкового вуза // Вестник МГЛУ. 2007. Вып. 519. С.134–144.
4. Яблокова Т.Н. Эмоциональные высказывания в диалогической и монологической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. №2, ч. 9. С. 191–197.

* * *

1. Alieva T.V. Konceptual'naja oppozicija «svoj – chuzhoj» v politicheskom diskurse pressy SShA (na materiale publikacij, posvjashhennyh jelektoral'noj kampanii) // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2008. Vyp. 34 (49). M.: MGIMO (U) MID Rossii. S. 18 – 26.
2. Tymbaj A.A. Dialog v razlichnyh vidah politicheskogo diskursa // Magija INNO: novoe v issledovanii jazyka i metodike ego prepodavaniya: materialy Vtoroj nauch.-prakt.konf. (Moskva, 24–25 apr. 2015 g.). T. 1 / отв. red. D. A. Krjachkov; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (un-t) M-va inostr. del Ros. Federacii. M.: MGIMO–Universitet, 2015. S. 230–234.
3. Cvetkova N.I. Ispol'zovanie kommunikativnyh strategij pri obuchenii govoreniju na inostrannom jazyke studentov nejazykovogo vuza // Vestnik MGLU. 2007. Vyp. 519. S.134–144.
4. Jablokova T.N. Jemocional'nye vyskazyvaniya v dialogicheskoj i monologicheskoj rechi // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2011. №2, ch. 9. S. 191–197.

Whoisthewinner? (Linguistic analysis of the USA presidential debates of 2016)

The article deals with the main communicative strategies used by the participants of the TV debates – a variety of the political discourse. The basic types of role exchange in the dialogue, the difference between the replies and comments, interruptions of replies are described in the article. The verbal tactics used by the politicians are examined as the means of influencing the interlocutor and voters.

Key words: *dialogue, political discourse, role exchange, proper place to exchange the roles, verbal strategies and tactics.*

(Статья поступила в редакцию 19.12.2016)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т.В. ДЯЧУК
(Санкт-Петербург)

И.С. ТУРГЕНЕВ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.И. УСПЕНСКОГО

Исследуется комплекс представлений, связанных с образом И.С. Тургенева в прозе Г.И. Успенского. Рассматривается сложное отношение Успенского к «тургеневскому» в русской культуре, сочетающее размышления о «барстве» автора «Отцов и детей» и признание ценности внесоциального тургеневского лиризма.

Ключевые слова: *Г.И. Успенский, И.С. Тургенев, меланхолия, барство, лиризм, разночинец.*

Литературная судьба и биография писателя Г.И. Успенского контрастно отличается от обстоятельств жизни и творчества его старшего современника – И.С. Тургенева. Их разделяют: возраст, сословное и имущественное положение, образование (обучение в нескольких университетах Тургенева и провинциальная гимназия Успенского) и социальный опыт, приобретенный в молодости (Успенский не раз сетовал на то, что в отличие от писателей 1840-х годов, воспитанных в атмосфере интеллектуальных кружков, его писательское взрос-

ление пришлось на «пьяный гибельный период» 1860-х [12, с. 212]*).

В области эстетики эти два писателя едва ли не антиподы. В то время как Тургенев считал искусство высшей жизненной ценностью, Успенский был склонен, по словам М.А. Протопопова, «помыкать своим талантом» [7, с. 340], видя в нем лишь средство выражения социально-нравственного идеала. Успенскому, в отличие от Тургенева, чужда лирика любви и природы. «Гармоническая закругленность структуры тургеневского романа» [4, с. 205] контрастирует с фрагментарной, рыхлой структурой очерка Успенского, в которой художественный образ часто подменяется публицистикой.

Прижизненная критика тенденциозно акцентировала социокультурную дистанцию между писателями, принадлежащими к разным сословиям [9, с. 96–97]. Сходство находили лишь в свойственном им обоим пессимизме [3]. Появившаяся в советское время статья Н.В. Алексеевой «Письма И.С. Тургенева Г.И. Успенскому» убедительно доказывала, что Тургенева и Успенского связывали доброжелательные отношения и интерес друг к другу. Оставаясь в рамках биографического исследования, автор упомянутой работы заметила и то, что «Успенский неоднократно в своем творчестве ясно и сознательно противопоставлял Тургеневу свое мировоззрение и свой художественный метод писателя-демократа» [1, с. 225–226]. Цитированное замечание исследовательницы не получило развития. Целью настоящей статьи является рассмотрение комплекса представлений, связанных в прозе Успенского с образом Тургенева.

Констатируем очевидное: несмотря на искреннее расположение к Тургеневу, отношение Успенского к «тургеневскому» в русской культуре было сложным и при первом приближении отрицательным. В рецепции Успенского Тургенев прежде всего «барин», состоятельный представитель дворянского сословия. Вспоминая о встрече с Тургеневым в Париже, Успенский писал: «Я принес ему рассказ “Книжка чеков”, где, правду сказать, был изображен уехавший за границу помещик, а управляющий сдавал участок земли под винокурный завод, рубил лес» (14, с. 587). В самом деле, в очерке «Книжка чеков» Успенский недвусмысленно намекает на автора «Записок охотника»: «Глушь и тишина царствовали здесь поразительные; лес стоял словно в заколдованном сне. Привольно жилось здесь

зверю и птице; великое множество было здесь кустов с ягодами; великое множество рыбы сновало в быстрой речке... И никто не прикасался к этим соковищам, и никто, казалось, не вспоминал и не думал о них... Раз или два в течение двух-трех лет, в летнюю или осеннюю пору, удавалось кой-кому увидеть выбегающего из лесной чащи сеттера, и по этой собаке догадывались, что барин воротился из-за границы и охотится в своих владениях... Нагнув голову и заложив руки назад, рассеянно бредет он вслед за обезумевшей от обилия дичи собакой и о чем-то, по-видимому, скучает, о чем-то крепко думает; ружье лениво болтается у него за спиной.. О чем же думал барин? Думал он, несомненно, об очень многом, но выходило всегда как-то так, что думы эти ничуть не изменяли печального положения тех мест, где бродил он; несмотря на обилие всего, что росло и жило в лесу и реках, находившихся во власти этого барина, несмотря на громадные пространства полей, – леса эти, и поля, и реки и после его отъезда за границу (он был болен) оставались в том же забвении» (4, с. 15).

Дворянский образ жизни в понимании разночинца Успенского отмечен скукой и меланхолией (ср.: «Барин скучал, страдал меланхолией, мужик бедствовал и тоже терял аппетит жить на белом свете» (4, с. 16)). При этом барская «меланхолия» понимается отнюдь не как источник лирического переживания, а исключительно как следствие праздности. Успенский игнорирует культурно-историческое значение «меланхолии» и стоящий за этим понятием «большой мир творческих идей, общественных умонастроений, эстетических вкусов, поэтических откровений» [6, с. 51]. В очерке «Книжка чеков» ничего не говорится о творческих опытах барина-охотника. Однако в очерке «Перестала» (1885) упоминаются «Записки охотника», которые читает крестьянка Авдотья. Книга И.С. Тургенева, наряду с произведениями Н.А. Некрасова и Д.В. Григоровича, оказывает разрушительное воздействие на крестьянское мировоззрение Авдотьи. Только вернувшись к тяжелому земледельческому труду, героиня очерка «перестала» распутничать.

С образом Тургенева связано и особое пространство русской культуры – дворянская усадьба. Для Успенского помещичье имение – это средоточие зла и источник морального растления. В очерках 1870-х годов писатель приветствует конец «жирного периода настоящего барства» (5, с. 21), а разорение «дворянских гнезд» изображает как неизбежный акт исторического возмездия. Так, например, цикл

* Далее по тексту в круглых скобках даны отсылки на тома и страницы этого издания.

очерков «Из деревенского дневника» открывается описанием ветшающего господского дома в местечке Слепое-Литвино. Стоит остановиться на этом названии. Дело в том, что очерки Успенского написаны с установкой на строгую документальность (ср.: «... случайные наблюдения этих заметок относятся к известной только местности Новгородской губернии, – к известной деревне, с которыми пришлось пишущему эти строки познакомиться в известное время, именно летом 1877 года» (5, с. 10)). Среди исследователей творчества Успенского нет сомнений в том, что писатель изображал село под названием Сопки [11, с. 16]. Между тем изменение названия – вместо реального топонима Сопки экспрессивно-оценочное Слепое-Литвино – преследует вполне определенную цель. Слепое-Литвино, как и другие изобретенные Успенским топонимы: Растеряева улица, село Распоясово и т. д., олицетворяет алогизм русской жизни («тут, на этом самом месте, где стоит деревенька, по рассказам старожилов, ослепла Литва. Шла она несметным полчищем и, дойдя до этого места, вдруг ослепла и дальше не пошла» (5, с. 13)). Можно предположить, что двойное название места – Слепое-Литвино – это аллюзия на знаменитое тургеневское имение Спасское-Лутовиново. На возможность такого толкования указывает авторская ремарка. Успенский уточняет, что речь идет не только о доме в вымышленном Слепом-Литвине, но «о помещичьем доме всех деревенских углов земли русской», о «рассадниках отечественной аристократии» (5, с. 15). Писатель скрупулезно перечисляет приметы дворянского разорения: «облупленные амурсы на потолках, амурсы и “псише” по стенам», разрушенные «гrotы, мостики, монплезиры», разбитые стекла «из итальянских и венецианских рам», «громадный процесс в суде и несметная куча долгов» (5, с. 21) и т. д. Гибель дворянско-усадебной культуры сопровождается культурной «амнезией», когда недавнее прошлое вытесняется из коллективной памяти. Демонстрируя эффект «беспамятства», Успенский приводит свой диалог с бывшим дворовым человеком. «Старый-престарый» слуга – казалось бы, свидетель прошлого – не может вспомнить ничего: «Унеслись из его воспоминаний старые барские годы. Мелькают в нем какие-то тени прошлого, бегут, как тонкие, разорванные ветром облака... Какие-то скворцы... дубы – вот всё, что сохранила ему память...» (5, с. 20). Нет «прочных воспоминаний об этой знаменитой поре, нет ни прочной злобы на прошлое, нет и доброго слова о нем»

(5, с. 18). Этому убеждению Успенский оставался верен до конца. Поэтому моральное падение своего двоюродного брата, тоже писателя – Н.В. Успенского – автор «Деревенского дневника» был склонен объяснять тлетворным влиянием «дворянского гнезда»: «Священник села, где нет барского дома, волостного писаря и кабака, может спиться или стать нарядом с мужиком простым пахарем, но не растлить своей души развратом героев пошехонской старины, проживающих в барском доме, окруженном дворней» (из письма к А.С. Посникову от 26 октября 1889 г.) (14, с. 347).

Акцентирование в образе Тургенева «барства» хотя и несло на себе отпечаток сословной враждебности, но им не исчерпывалось. В оценке Успенского «барство» Тургенева имело и положительные стороны, предполагая известную степень отрешенности от социальной действительности, «от мужика, его бороды, лаптей и вообще всего этого голодного и холодного» – от чего сам Успенский, по собственным его словам, «подустал» (из письма к В.М. Соболевскому от 17 мая 1888 г.) (14, с. 131). Парадоксально, но именно Успенский – автор остросоциальных очерков о низшем сословии – увидел доминанту тургеневского творчества не в исторически точно воспроизведенной действительности, а во вневременном и внесоциальном лиризме: «Вспоминаются самые тихие, приятные, простые образы, густолиственные аллеи, красота... молодость... любовь... глаза, заплаканные невинными слезами... кисея какая-то подвенечная чудится неведомо почему... холодные пальцы робкой женской руки...» («Вместо вступления» в цикле «Волей-неволей») (8, с. 321–322). Отзыв Успенского предвосхищает «открытие» Тургенева в символистской критике конца XIX – начала XX в., когда в тургеневском творчестве перестали ценить социальное содержание, отдав предпочтение «вечным» темам любви, поэзии, природы [5]. Заслуживает внимания и импрессионистическая манера, к которой прибегает Успенский, чтобы уловить настроение тургеневской прозы. При этом писатель имитирует стиль «Стихотворений в прозе» (1878 – 1882 гг.) позднего Тургенева.

Едва ли можно говорить о литературной преемственности между этими писателями. Однако интуиция художника подсказывает Успенскому, что в диалоге о сущности искусства невозможно обойтись без реплики Тургенева. Не случайно свой эстетический манифест – очерк «Выпрямила» (1885) – Успенский начинает цитатой из Тургенева: «...Кажется, в

“Дыме” устами Потугина И.С. Тургенев сказал такие слова: “Венера Милосская несомненное принципов восемьдесят девятого года” (10, кн. 1, с. 246). Автор очерка ошибается, приписывая эти слова герою романа «Дым». На самом деле этот афоризм из главы XV рассказа Тургенева «Довольно» (1862): «Венера Милосская, пожалуй, несомненное римского права или принципов 89-го года» [10, с. 228].

В советском литературоведении утвердилось мнение о том, что в очерке «Выпрямила» декларируется «прекрасное» «в недрах трудовой народной жизни» и «в облике героической личности, одухотворенной борьбой за счастье народа» [8, с. 642]. Это справедливое суждение нуждается в уточнении. В начале очерка Успенский утверждает: «Я, Тяпушкин, принципы и Венера – все мы одинаково несомненно» (10, кн. 1, с. 247). Иными словами, Успенский возражает против элитарности искусства. Образ Красоты, хотя и поруганный, скомканный как перчатка, живет в каждом человеке. Позицию Успенского верно понял Ю.И. Айхенвальд: «Тяпушкин ощутил счастье быть человеком, братом Венеры: он почувствовал свое родство с Венерой Милосской. Люди – аристократы. Мы все знатны» [2, с. 293]. Возможно, здесь Успенский преодолевал не только тяпушкинское, но и собственное ощущение социокультурной неполноценности. Так, в письме М.М. Стасюлевичу от 22 декабря 1884 г. Успенский, сообщая о «неожиданной» теме очерка, предупреждал о том, что он не имеет «ни малейших претензий явиться в чужой шкуре или представиться знатоком художественных произведений» (13, с. 403). И всё же именно в очерке «Выпрямила» Успенский оказывается ближе всего к Тургеневу, превыше всего ставившего Красоту. По точному определению Айхенвальда, «его (Успенского. – Т.Д.) последнее слово не этика, а эстетика» [Там же, с. 292].

В мемуарной заметке «Мои дети» (1893) Успенский вспоминал о том, как Тургенев в 1875 г. на литературно-музыкальном утре в Париже прочитал его рассказ «Ходок»: «Но я положительно не узнавал моего “Ходока” в чтении Ивана Сергеевича. До того *он одухотворил моих героев* (курсив мой. – Т. Д.), что я был очарован» (14, с. 589). В рассказе «Ходок» – фрагменте из очерка «Книжка чеков» – рассказана история о столкновении простодушного крестьянина с беспощадной бюрократической машиной. Замысел произведения заключается в критике социальной действительности. Артистизм Тургенева, читающего «Ходока», задает новое эстетическое измере-

ние рассказу. Важно и то, что Успенский сумел оценить и принять тургеневскую интерпретацию.

Таким образом, Тургенев в творческом сознании Успенского предстает антиномической фигурой. Представление о «барстве» и связанном с ним комплексе отрицательных культурных коннотаций соседствует с признанием ценности тургеневского лиризма, обусловленным именно принадлежностью к русскому помещику дворянству. Примирение социальных противоречий Успенский обнаруживает в эстетической сфере – в искусстве, способном «одухотворять» материальный мир.

Список литературы

1. Алексеева Н.В. Письма И.С. Тургенева Г.И. Успенскому // Литературный архив. М.–Л., 1951. Т. 3. С. 221–226.
2. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей: в 2 т. М., 1998. Т. 1.
3. Белевицкий С. Мотивы пессимизма в литературе (Тургенев и Успенский) // Начало: сб. ст. Саратов, 1914. С. 63 – 90.
4. Маркович В.М. Избранные работы. СПб., 2008.
5. Пильд Л.Л. Тургенев в восприятии русских символистов 1890 – 1900-е гг.). – Tartu: Tartu Ulikooli Kirjastus (Dissertationes Philologicae Slavicae Universitatis Tartuensis), 1999.
6. Прозоров Ю.М. Классика: исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб., 2013.
7. Протопопов М.А. Литературно-критические характеристики. СПб., 1898.
8. Пруцков Н.И. Г.И. Успенский // История русской литературы: в 4 т. Л., 1982. С. 621–653.
9. Скабичевский А.М. Беллетристы-народники. СПб., 1888.
10. Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М., 1981.
11. Тюрин В.В. Г. Успенский и Новгородский край. Новгород, 1962.
12. Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: в 14 т. М., 1952. Т. XIV.

* * *

1. Alekseeva N.V. Pis'ma I.S. Turgeneva G.I. Uspenskomu // Literaturnyj arhiv. M.–L., 1951. T. 3. S. 221–226.
2. Ajhenva'l'd Ju.I. Silujety russkikh pisatelej: v 2 t. M., 1998. T. 1.
3. Belevickij S. Motivы pessimizma v literature (Turgenev i Uspenskij) // Nachalo: sb. st.Saratov, 1914. S. 63 – 90.
4. Markovich V.M. Izbrannye raboty. SPb., 2008.
5. Pil'd L.L. Turgenev v vosprijatii russkikh simbolistov 1890 – 1900-e gg.). – Tartu: Tartu Ulikooli Kirjastus (Dissertationes Philologicae Slavicae Universitatis Tartuensis), 1999.

6. Prozorov Ju.M. Klassika: Issledovanija i ocherki po istorii ruskoj literatury i filologicheskoy nauki. SPb., 2013.

7. Protopopov M.A. Literaturno-kriticheskie harakteristiki. SPb., 1898.

8. Pruckov N.I. G.I. Uspenskij // Istorija ruskoj literatury: v 4 t. L., 1982. S. 621–653.

9. Skabichevskij A.M. Belletristy-narodniki. Spb., 1888.

10. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch.: v 30 t. T. 7. M., 1981.

11. Tjurin V.V. G. Uspenskij i Novgorodskij kraj. Novgorod, 1962.

12. Uspenskij G.I. Poln. sobr. soch.: v 14 t. M., 1952. T. XIV.

I.S. Turgenev in the creative work by G.I. Uspensky

The article deals with the ideas associated with the image of I.S. Turgenev in G.I. Uspensky's prose. Despite his affection for Turgenev, the Uspensky's relation to "Turgenev" in the Russian culture was uncertain and negative at first glance. The idea of the "gentility" of the author of "Fathers and Children" coexisted with the recognition of the value of the unsocial Turgenev's lyricism.

Key words: *G.I. Uspensky, I.S. Turgenev, melancholy, gentility, lyricism, plebeian.*

(Статья поступила в редакцию 29.11.2016)

А.В. ДЯДЬКИНА
(Волгоград)

ГЕРОИ «МАЛЕНЬКОЙ ПЕЧАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ» В. П. НЕКРАСОВА В «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ КУЛЬТУРЫ»

Анализируются особенности системы персонажей «Маленькой печальной повести» В.П. Некрасова, характеры которых свидетельствуют об ориентации автора на лучшие традиции отечественной и мировой литературы в эмигрантский период творчества.

Ключевые слова: *Родина, автор, герой, дом, культура, традиция.*

Творчество В.П. Некрасова эмигрантского периода только сегодня возвращается к своему читателю, словно доказывая: в «Большом времени культуры произведения разби-

вают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [2, с. 331]. Это имеет прямое отношение и к прозе В. П. Некрасова, создателя повести «В окопах Сталинграда» (1946), в 1970-х изъятая из советских библиотек и лишь недавно переизданной: писатель вынужденно покинул пределы Советского государства, надолго оказавшись в числе запрещенных авторов. А между тем и за границей он продолжал писать свои книги, утверждая «новое, свободное слово правды о времени, стране, народе, современнике» [10, с. 52], которое неотделимо от опоры на традиции мировой литературы, характеризующие «культурную память и преемственность, <...> связывающие ценности исторического прошлого с настоящим, передающие культурное достояние от поколения к поколению» [11, с. 1098]. Обращение художника, оказавшегося вне Родины, к традициям мировой литературы порождает «интерес к вечным нравственно-философским вопросам» [9, с. 449], о чем свидетельствует опубликованная в 1985 г. в журнале «Грани» «Маленькая печальная повесть» В.П. Некрасова, само заглавие которой – «...печальная повесть» – неизбежно порождает ассоциации с драматургией Шекспира, с его знаменитой трагедией, в которой строки «Печальнее нет повести на свете, Как повесть о Ромео и Джульетте» (1595) [27, с. 186]. Некрасов словно вступает в творческий диалог с признанным классиком, утверждая, что такая «повесть» есть: «И маленькая моя повесть печальна потому, что если между двумя из моих друзей воздвигнута берлинская стена, то двоих других из этой троицы разделяет только вода, только Атлантический океан ... Нет, не только океан, а нечто куда более глубокое, значительное и серьезное» [15, с. 632]. Его «маленькая повесть» говорит о вечных проблемах, «восполняя сразу три дефицитные в наше время "материи" – настоящей мужской дружбы, подлинной верности и преданности идеалам юности» [14, с. 176]. Георгий Владимов, опубликовавший повесть Некрасова в «Гранях», считает: это «повесть о жизни в России и на Западе – "маленькая такая печальная повесть" <...>, а печаль была оттого, что бывшие фронтовые друзья в Москве и в Киеве не откликаются на его письма, открытки, посылочки, <...> кто-то пе-